

САША ЧЁРНЫЙ СТИХОТВОРЕНИЯ

Саша Чёрный
Стихотворения

«Public Domain»

Чёрный С.

Стихотворения / С. Чёрный — «Public Domain»,

Беспощадный сатирик и тонкий лирик, ярко и с безукоризненным вкусом блиставший всеми гранями таланта – Саша Черный (А. М. Гликберг, 1880–1932) был необыкновенно популярен в России начала XX века. Его острые, беспощадные сатиры искали в свежих номерах «Сатирикона», знали наизусть, о нем спорили и им восторгались. Саша Черный прожил не очень долгую, но насыщенную и плодотворную жизнь. В ней была и война, на которую он ушел добровольцем и о которой рассказал в стихах, и революция, которую он решительно не принял, и эмиграция, нелегко дававшаяся ему. Но он всегда был верен себе, оставался настоящим поэтом, не отступавшим от своих творческих принципов. Может быть, поэтому его поэзия до сих пор жива. Более того, она злободневна, свежа, иронична. Откройте книгу – и вы увидите знакомые ситуации, знакомые лица. Вы будете смеяться, хмуриться, раздумывать – эти стихи не оставят вас в покое, будут припоминаться, потребуют перечитать их. Словом, они навсегда останутся с вами.

Содержание

Сбежались. Я тоже сбежался...	5
Критику	9
Всем нищим духом	10
Быт	39
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Саша Черный Стихотворения

Сбежались. Я тоже сбежался...

«Кричали. Я тоже кричал...» – так Саша Черный описывает какое-то уличное происшествие. И здесь главное не само событие, пустячное, скорее всего, а мгновенная готовность автора причислить себя к безликой толпе зевак, стать одним из многих.

Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...

Я – такой как все – словно хочет сказать поэт и это нужно ему, чтобы с беспощадной убийственной иронией показать «ближнему» его истинное лицо.

А кто, как не Саша Черный, мог сделать это наиболее, как бы мы сказали сейчас, «эффективно». Ведь его знали буквально все, или почти все.

В воспоминаниях Марина Цветаева пишет о своей детской молитве перед сном:

«– Спаси, Господи, и помилуй папу, маму, няню, Асю, Андрюшу, Наташу, Машу и Андрея Белого...»

– Ну, помолилась за Андрея Белого, теперь за Сашу Черного помолись!

Самое забавное, что нянька и не подозревала о существовании Саши Черного (а существовал ли он уже тогда, как детский поэт? 1916 год), что она его в противовес: в противоцвет Андрею Белому – сама сочинила...».

Для широких же кругов читающей публики Саша Черный – А. М. Гликберг (1880–1932) – в те годы несомненно существовал, да еще как! Он был необычайно известен и популярен. По свидетельству Корнея Чуковского, в свежем номере «Сатирикона» читатели прежде всего искали стихи Саши Черного, «не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть».

Действительно, стихи Саши Черного задевали не только самые злободневные общественные темы и настроения времени, но и самые потаенные, скрытые. Он словно говорил за читателя то, о чем тот мучительно раздумывал, но боялся не только сказать, но даже признаться себе в этих мыслях.

Где наше – близкое, милое, кровное?
Где наше – свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

Считается, что только хорошо зная прошлое, можно понять настоящее. Наверно, для историка это так. Поэзия же всегда вслушивается в будущее, пытается провидчески рассказать о нем, объяснить из будущего нынешний день. Саша Черный был настоящим поэтом. Что ждало Россию в самом ближайшем будущем? Революция 1905 года, Первая мировая война, жутковатый хаос октябрьского переворота, долгие годы тоталитарного режима. Может быть,

в предчувствии всего этого так карикатурно текла российская жизнь: неудачная внутренняя и внешняя политика, Думская «говорильня», крушение надежд на обновление жизни толкали одних к самоубийству, других в объятия самой откровенной рутины и пошлости, как сказали бы мы сегодня – «попсы». Вопросы пола, болезненное воспевание смерти и всего связанного с нею, всяческие мистические поветрия, крикливое «новаторство» в искусстве, а в итоге – пош- лое существование, черносотенство, нравственное оскудение...

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин,
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен —
Старый гнет вернется...

Какая знакомая фразеология, какой убедительный сарказм, как все это живо и как близко нашему времени!

Саша Чёрный безжалостно и насмешливо предлагал своему ближнему посмотретья в зеркало («С выпученными глазами и облизывающийся – вот моя внешность» – писал современник поэта, мыслитель В. В. Розанов) и ужаснуться, поэт словно читал его мысли, говорил его голосом – и какое же мелкотравчатое и безликое существо возникало в его едких, колючих, точных стихах. Двойник, клон, отражение, в котором совершенно не хочется узнавать самого себя. Снова процитируем Корнея Чуковского, у которого с Сашей Чёрным были свои сложные отношения: «Он не только проклинал ее (эпоху – Г. К.), не только издевался над нею, но мало-помалу нашел другой, более действенный метод сатиры: надел на себя самого маску ненавистного ему обывателя и стал чуть ли не каждое стихотворение писать от имени этой отвратительной маски».

Словно боясь, что его действительно окончательно отождествят с какой-либо из этих гротескных личин, он написал легкое, насмешливо-улыбчивое стихотворение, своего рода визитную карточку для каждого читателя:

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице.
В бока впился корсет...», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бороною.

Сатирическая беспощадность, мгновенный – и, как правило, саркастический – отклик на те или иные «модные веяния», неподражаемое чувство юмора, самоирония – поэт, как уже было сказано, нередко отождествляет себя с объектом своих сарказмов и этим словно бы смягчает свои желчные сатиры, – все это делало Сашу Чёрного одним из самых востребованных, самых читаемых писателей своего времени.

Но известность сатирика и юмориста не вскружила ему голову. Он тяготился громкой славой «обличителя, бичующего пороки». Его больше заботило то, что слава эта заслоняла другие грани его творчества. Более того, маска, которую он надевал, выдавая себя за махро-

вого обывателя, порой все же принималась простодушным читателем за его истинное лицо. А между тем в творчестве Саши Черного все настойчивее звучали и мягкие, лирические ноты, совершенно не противоречащие его сатирическому дару. Наверно, во всей отечественной поэзии трудно отыскать столь органичный сплав сатиры и лирики, который явлен нам в творчестве этого поэта. Здесь фигура Саши Черного поистине уникальна.

«Хочу отдохнуть от сатиры... У лиры моей есть тихо дрожащие, легкие звуки...». Стремление расширить звучание своей лиры, выявить все грани своего таланта заставляло поэта все сосредоточеннее вглядываться в себя, искать истинно поэтическое решение «трудных вопросов», не отделяясь – пусть ярким и хлестким – стихотворным фельетоном на злобу дня. И лирик в его творчестве ничуть не уступает сатирику.

И если в стихотворных фельетонах поэт предстает умелым бойцом, виртуозно владеющим всем арсеналом сатирического оружия, то в своей лирической ипостаси он совсем иной. И вдумчивый читатель прекрасно чувствует это.

«С Сашей Черным «хорошо сидеть под черной смородиной» («объедаясь ледяной простоквашей») или под кипарисом («и есть индюшку с рисом»). И без изжоги, которую, я заметил, Саша Черный вызывает у многих эзотерических простофиль», – проникновенно писал автор «Москвы – Петушков» Венедикт Ерофеев, точно уловив лирическую открытость поэта, его доверительное, если не сказать доверчиво-беззащитное, отношение к окружающему.

А вот с другим пассажем из этой же работы о поэте можно и поспорить. Венедикт Ерофеев, возможно исходя из своего собственного литературного и общественного контекста, приписывает поэту чуждые ему черты: «С башни Вяч. Иванова не высморкаешься, на трюмо Мирры Лохвицкой не наблюдаешь. А в компании Черного все можно, он несерьезен в самом желчном и наилучшем значении этого слова...». Позвольте не согласиться! Подобные сомнительные эскапады совершенно несвойственны поэту. Эстетическая взыскательность, безупречный вкус не позволили бы ему даже снисходительно попустительствовать подобным «душевному излияниям». Это мог бы проделать кто-нибудь из героев его сатир, например тот же художник Минога, чьи потуги эпатировать публику поэт безжалостно высмеял («Трагедия»). Кстати, в соответствующем контексте, определенной ситуации, подобный эпатаж несет несомненное, яркое и очень действенное эстетическое содержание, является необходимой составляющей творческого процесса.

Говоря о Саше Черном, невозможно не упомянуть и его дар детского поэта. Он много и успешно писал для детей. Вообще, дети это отдельная – нежная и грустная – тема его творчества, может быть наиболее сильно выразившаяся в стихотворении «Мой роман», «Кто любит прачку, кто любит маркизу...». Словом, он всегда и во всем оставался настоящим поэтом. Читатель сможет убедиться в этом – в небольшой книге, которую он держит в руках, представлены все грани поэтического творчества Саши Черного.

И снова придется вернуться к провидческой природе поэзии. Поэт словно прозревал свою грядущую поэтическую, человеческую судьбу, потому-то так стремился расширить свой диапазон, добавить как можно больше красок в свою палитру. Сатирические стихи, лирика, стихи для детей, прозаические опыты... Все это ему понадобилось в нелегко сложившейся жизни.

В первые же дни начавшейся первой мировой войны вольноопределяющийся А. М. Глиберг явился на призывной пункт и почти сразу же отправился на фронт. Пронзительные, достойные стихи о войне, о ее тяготах и незаметном, настоящем героизме несомненно одна из вершин не только его творчества, но и всей отечественной поэзии о войне. Пожалуй, как заметил Д. Быков, только Николай Гумилев видел и пережил войну так близко и так жестко-осяземо, как Саша Черный. Стихи не смогли вместить весь этот нелегкий военный опыт, и уже в эмиграции он напишет «Солдатские сказки», где снова попытается осмыслить пережитое на

войне. К прозе он обращался часто и охотно, добиваясь от нее, как и от стихов, предельно ясного и чистого звучания.

Война не была последним горьким испытанием для поэта. Наверное, тяжелее и горше войны стало для него испытание эмиграцией. Да, последовательный и убежденный критик существующего строя, антимонархист, «диссидент», как сказали бы позднее, Саша Черный не принял революцию и последовавшие за ней перемены. Поэтический дар, ведший его по жизни, и на этот раз позволил ему раньше многих почувствовать все мрачные бездны «российской кровавой смуты».

«Новую послеоктябрьскую Россию я видел месяца четыре... Какой стаж необходим, чтобы иметь право суждения об этой Не-России?». Прежняя Россия, где расцвел его талант, исчезла безвозвратно. Поэт во многом повторил судьбу типичного русского скитальца-эмигранта: Германия, Италия, Франция, негустые литературные заработки, ностальгия. В стихах, написанных в эмиграции, он пытается воссоздать навсегда утраченную Россию, вспомнить и удержать ее в слове, понимая всю обреченность таких попыток.

Если уши закрыть и не слушать чужие слова
И поверить на миг, что за ельником русские дети, —
Как угрюмо потом, колыхаясь, бормочет трава
И зеленые ветви свисают, как черные плети...

Он еще не раз обратится к своему излюбленному и проверенному сатирическому дару, откликаясь на нравы буржуазной среды и на то, что происходило в коммунистической России, и среди этих насмешливых, беспощадных памфлетов немало удачных. Чего, например, стоит «Сказка про красного бычка». Вспомнит он в стихах и своего соратника по «Сатирикону» Аркадия Аверченко, а в ряде стихотворений, посвященных А. Куприну, с которым поэт близко дружил, нарисует «русскими красками» немного идиллические картины былого. И в лирике он не утратил свежесть восприятия, остроту чувств, к ним еще добавилась и житейская мудрость, стоическое восприятие всего сущего.

О Тебе, волнуясь, вспоминаем, —
Это все, что здесь мы сберегли...
И встает бывшее светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли...

У него было еще много творческих планов, когда его жизнь внезапно оборвалась. Человек, смотревший на войну в глаза смерти, он не мог пройти мимо чужой беды: в местечке на юге Франции, где он жил летом, случился пожар. Саша Черный принял участие в его тушении, а вернувшись домой, умер от сердечного приступа. Смерть солдата, смерть поэта...

Такую писательскую судьбу, наверно, можно назвать удачной, ведь несмотря на жизненные невзгоды, преследовавшие его еще с отроческих лет, на годы войны, на несладкое эмигрантское житье-бытье Саша Черный всегда верно и честно служил литературе, не отступался от своих жизненных и творческих принципов, не предавал и не разменивал свой немалый талант. Именно поэтому он и интересен нынешнему читателю, его творчество достойно выдержало испытание временем.

Нельзя не согласиться со словами В. Набокова, редко находившего добрые слова о писателях-современниках, которому Саша Черный мягко и благожелательно помогал в начале его писательского пути: «от него осталось только несколько книг и тихая, прелестная тень».

Геннадий Калашиников

Критику

*Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице.
В бока впился корсет...», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бороною.*

<1909>

Всем нищим духом

Ламентации¹

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам брэнчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...

В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей:

Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клочок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.

Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

В книгах гений Соловьевых²,
Гейне, Гёте и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.

На полотнах Магдалины³,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин⁴,
А вокруг – кривые спины
Мутноглазых Акулин.

¹ Ламентации (*лат.*) – жалобы, сетования.

² *Гений Соловьевых* – Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), поэт, философ, публицист, Труды В. С. Соловьева оказали большое влияние на русскую интеллигенцию на рубеже XIX – XX вв.

³ Магдалина (Мария Магдалина, *еванг.*) – блудница, раскаявшаяся и уверовавшая в Христа, когда он, после воскресения, изгнал из нее бесов. (Ев. от Марка, 16,9).

⁴ Фрина (IV в. до н. э.) – афинская куртизанка, отличавшаяся замечательной красотой.

Где события *нашей* жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизи,
В нищете случайных крох.

Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,
Ищем Бога, ищем черта,⁵
Потеряв самих себя.

И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.

В звуках музыки – страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.

Отчего? Молчи идохни.
Рок – хозяин, ты – лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!

.....

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

1909

⁵ Ищем Бога, ищем черта – речь идет о богоискательстве, религиозно-философском течении, на которое большое влияние оказали философские идеи В. С. Соловьева, в частности мысли о необходимости обновления христианства. Особенно большое распространение богоискательство получило после поражения первой русской революции.

Пробуждение весны⁶

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу, как встарь,
И завопил тепло и вакханально:
«Весенний брак! Гражданский брак!
Спешите, кошки, на чердак...»

И кактус мой – о, чудо из чудес! —
Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес⁷
И с каждым днем прет из земли все пуще.
Зеленый шум... Я поражен:
«Как много дум наводит он!»⁸

Уже с панелей смерзшуюся грязь,
Ругаясь, скалывают дворники лихие,
Уже ко мне забрел сегодня «князь»⁹,
Взял теплый шарф и лыжи беговые...
«Весна, весна! – пою, как бард. —
Несите зимний хлам в ломбард».

Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дым и копоть.
Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! —
Я думал, что она не возвратится, —
Но... дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, черт возьми?

<1909>

⁶ Пробуждение весны – ироническое обыгрывание пьесы немецкого драматурга Ф. Ведекинда «Пробуждение весны» (1891), посвященной «проблемам пола», получившим широкое распространение в начале XX в. Эта тема не раз звучит и в других стихах поэта, например в «Песне о поле».

⁷ Как новый Лазарь, взял да и воскрес – речь идет об одном из чудес Иисуса, воскресившего «некоего Лазаря из Вифании» на четвертый день после его смерти (Ев. от Иоанна, 11).

⁸ Зеленый шум... Как много дум наводит он – соединение цитат из стихотворений Н. А. Некрасова «Зеленый шум» и «Вечерний звон» ирландского поэта Томаса Мура в переводе И. И. Козлова.

⁹ «Князь» – прозвище татар-старьевщиков в дореволюционной России.

Песня о поле

«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла Проблема Пола,
Румяная фефёла¹⁰,
И ржет навеселе.

Заерзали старушки,
Юнцы и дамы-душки
И прочий весь народ.
Виват, Проблема Пола!
Сплетайте вокруг подола
Веселый «Хоровод»¹¹.

Ни слез, ни жертв, ни муки...
Подымем знамя-брюки
Высоко над толпой.
Ах, нет доступней темы!
На ней сойдемся все мы —
И зрячий и слепой.

Научно и приятно,
Идейно и занятно —
Умей момент учесть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

1908

¹⁰ Фефела – «простофиля, разиня, необходимая баба» (Вл. Даль).

¹¹ «Хоровод. Десять диалогов» (1896–1897) – пьеса австрийского драматурга А. Шницлера, персонажи которой – проститутка и солдат, солдат и горничная, актриса и граф и т. п. Пьеса имела огромный успех у читателей России, выдержала целый ряд переизданий.

Анархист

Жил на свете анархист,
Красил бороду и щеки,
Ездил к немке в Териоки¹²
И при этом был садист.

Вдоль затылка жались складки
На багровой полосе.
Ел за двух, носил перчатки —
Словом, делал то, что все.

Раз на вечере попович,
Молодой идеалист,
Обратился: «Петр Петрович,
Отчего вы анархист?»

Петр Петрович поднял брови
И, багровый, как бурак,
Оборвал на полуслове:
«Вы невежа и дурак!»

<1910>

¹² Териоки (ныне Зеленогорск) – популярный дачный поселок под Петербургом на берегу Финского залива.

До реакции¹³
Пародия

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен —
Старый гнет вернется...

<16 февраля 1906>

¹³ Написано «по мотивам» известного стихотворения Козьмы Пруткова «Юнкер Шмидт». «Вянет лист. Проходит лето...».

«Пьяный» вопрос¹⁴

Мужичок, оставьте водку,
Пейте чай и шоколад.
Дума сделала находку:
Водка – гибель, водка – яд.

Мужичок, оставьте водку,
Водка портит Божий лик,
И уродует походку,
И коверкает язык.

Мужичок, оставьте водку,
Хлеба Боженька подаст
После дожличка в субботу...
Или «ближний» вам продаст.

Мужичок, оставьте водку,
Может быть (хотя навряд),
Дума сделает находку,
Что и голод тоже яд.

А пройдут еще два года —
Дума вспомнит: так и быть,
Для спасения народа
Надо тьму искоренить...

Засияет мир унылый —
Будет хлеб и свет для всех!
Мужичок, не смейся, милый,
Скептицизм – великий грех.

Сам префект винокурений¹⁵
В Думе высказал: «Друзья,
Без культурных насаждений
С пьянством справиться нельзя...»

Значит... Что ж, однако, значит?
Что-то сбились мы слегка, —
Кто культуру в погреб прячет?
Не народ же... А пока —

Мужичок, глушите водку,

¹⁴ В 1908–1910 гг. в Думе происходило обсуждение вопроса «о мерах борьбы с пьянством», была создана специальная комиссия.

¹⁵ Сам префект винокурений – возможно, речь идет о епископе Митрофане, возглавлявшем комиссию.

Как и все ее глушат,
В Думе просто драло глотку
Стадо правых жеребят.

Ах, я сделал сам находку:
Вы культурней их во всем —
Пусть вы пьете только водку,
А они коньяк и ром.

Начало 1908

СЛИШКОМ МНОГО

Слишком много резонерства
И дешевого фразерства,
Что фонтаном бьет в гостиных
В монологах скучно-длинных, —
Слишком много...

Слишком много безразличных,
Опустившихся, безличных,
С отупевшими сердцами,
С деревянными мозгами, —
Слишком много...

Слишком много паразитов,
Изуверов, иезуитов,
Патриотов-волкодавов,
Исполнителей-удавов, —
Слишком много...

Слишком много терпеливых,
Растерявшихся, трусливых,
Полувзглядов, полумнений,
Бесконечных точек зрений, —
Слишком много...

Слишком много слуг лукавых,
Крайних правых, жертв кровавых,
И растет в душе тревога,
Что терпения у Бога
Слишком много!

<1908>

Читатели газет

Дороден. Блестящее темя.
В чинах. К подчиненным суров.
Читает он «Новое время»,
Не любит армян и жидов.

Ассессор¹⁶, сгибающий выю,
Фантом канцелярских бумаг,
Смиренно читает «Россию»¹⁷ —
Инако не мыслит. И благ.

Пенсне на носу деловые.
На чреве цепочка-массив.
Он держит в руках «Биржевые»¹⁸,
А в мыслях – «актив» и «пассив».

Кто между Харибдой и Сциллой¹⁹
Умеет свой челн уберечь
И болен крамольной бациллой —
Читает коварную «Речь»²⁰.

Но кто он – простак, обыватель
(Его очернить не берусь!),
Кто конкурсных премий искатель,
Читающий «Новую Русь»²¹?!

Лишенный особой приметой
Купец, дворянин иль плебей —
В листах «Петербургской газеты»²²
Находит богатство идей.

Приказчик, швейцар, полицейский,
Трактир, живорыбный садок,
Ремесленник, писарь армейский, —
Для них – «Петербургский листок»²³.

¹⁶ *Ассессор* — гражданский чин в России.

¹⁷ «*Россия*» – петербургская официальная газета.

¹⁸ «*Биржевые ведомости*» — петербургская газета, орган биржевых кругов.

¹⁹ Харибда и Сцилла (др. – греч. миф.) – скалы-чудовища по сторонам Мессинского пролива, пожиравшие проплывающие между ними корабли вместе с моряками. Переносное значение – подвергаться опасности с разных сторон.

²⁰ «*Речь*» – газета, центральный орган партии кадетов.

²¹ «*Новая Русь*» – либеральная газета. В 1908–1910 гг. выходила вместо приостановленной либерально-буржуазной «*Руси*».

²² «*Петербургская газета*» — газета, посвященная вопросам политики и литературы.

²³ «*Петербургский листок*» – бульварная газета, популярная среди столичных обывателей.

Смазные ботфорты, рубаха
И волос, подстриженный в круг.
В смятенье понятного страха
Вы зрите «союзника»²⁴ вдруг.

Он дико вращает глазами,
Вздуваются жилы на лбу...
И, комкая «Русское знамя»²⁵,
Рычит он: «Жида!.. Расшибу!..»

<1909>

²⁴ «Союзник» – член организации «Союз русского народа».

²⁵ «Русское знамя» – черносотенная газета, орган «Союза русского народа», пользовалась правительственными дотациями.

На Елагином²⁶

Не справляясь с желаньем начальства,
Лезут почки из сморщенных палок,
Под кустами – какое нахальство! —
Незаконное скопище галок.
Ручейков нелегальные шайки
Возмутительно действуют скопом
И, бурля, заливают лужайки
Лиловатым, веселым потопом.
Бесцензурно чирикают птицы,
Мчатся стаи беспаспортных рыбок,
И Нева контрабандно струится
В лоно моря для бешеных сшибок...
А вверху, за откосом, моторы
Завели трескотню-перестрелку
И, воня бензином в просторы,
Бюрократов уносят на Стрелку²⁷.
Отлетают испуганно птицы,
Рог визжит, как зарезанный боров,
И брезгливо-обрюзгшие лица
Хмуρο смотрят в затылки шоферов.

<1912>

²⁶ *Елагин* — один из петербургских островов.

²⁷ Стрелка – мыс, выступающий в Финский залив.

* * *

Это не было сходство, допустимое даже в лесу, – это было тождество, это было безумное превращение одного в двоих.

Л. Андреев.

«Проклятие зверя»²⁸

Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак!..

В лес! К озерам и девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам.
Надоело ходить по шаблонным панелям
И смотреть на подкрашенных дам!

Принесет мне ворона швейцарского сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если к вечеру станет прохладно и сыро,
Обложу себе мохом бока.

Там не будет газетных статей и отчетов.
Можно лечь под сосной и немножко повить,
Иль украсть из дупла вкусно пахнущих сотов,
Или землю от скуки порыть...

А настанет зима – упираться не стану:
Буду голоден, сир, малокровен и гол —
И пойду к лейтенанту, к приятелю Глану²⁹:

²⁸ В эпиграф вынесена цитата из рассказа Леонида Андреева «Проклятие зверя» (1907), послужившего первоначальным импульсом для написания стихотворения.

²⁹ Глан – лейтенант Томас Глан – герой чрезвычайно популярного в России начала XX в. романа норвежского писателя Кнута Гамсуна «Пан». (1894). Независимый, гордый человек – лейтенант Глан стремится вырваться из условностей и законов буржуазного уклада жизни и уходит от цивилизации «на природу», живет в горах, добывая себе пропитание охотой и рыбной ловлей.

У него даровая квартира и стол.

И скажу: «Лейтенант! Я – российский писатель,
Я без паспорта в лес из столицы ушел,
Я устал как собака и – веришь, приятель, —
Как семьсот аллигаторов зол!

Люди в городе гибнут, как жалкие слизи,
Я хотел свою старую шкуру спасти.
Лейтенант! Я бежал от бессмысленной жизни
И к тебе захожу по пути...»

Мудрый Глан ничего мне на это не скажет,
Принесет мне дичины, вина, творогу...
Только пусть меня Глан основательно свяжет,
А иначе – я в город сбегу.

<1908>

Опять...

Опять опадают кусты и деревья,
Бронхитное небо слезится опять,
И дачники, бросив сырые кочевья,
Бегут, ошалевшие, вспять.

Опять, перестроив и душу, и тело
(Цветочки и летнее солнце – увь!),
Творим городское, ненужное дело
До новой весенней травы.

Начало сезона. Ни света, ни красок,
Как призраки, носятся тени людей, —
Опять одинаковость сереньких масок
От гения до лошадей.

По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презреньем, зевая, на землю толкает
Несчастных, случайных невежд.

А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна.
Всё мало и мало – коса не тупеет,
И даль безнадежно черна.

Что будет? Опять соберутся Гучковы³⁰
И мелочи будут, скучая, жевать,
А мелочи будут сплетаться в оковы,
И их никому не порвать.

О, дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный,
И в страхе, что это навек,

В мучительной жажде надежды и красок
Выходит на улицу, ищет людей...
Как страшно найти одинаковость масок
От гения до лошадей!

<1908>

³⁰ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – лидер партии октябристов, депутат, в 1910–1911 гг. председатель III Думы, получившей название «Гучковской».

Культурная работа

Утро. Мутные стекла как бельма,
Самовар на столе замолчал.
Прочел о визитах Вильгельма³¹
И сразу смертельно устал.

Шагал от дверей до окошка,
Барабанил марш по стеклу
И следил, как хозяйская кошка
Ловила свой хвост на полу.

Свистал. Рассматривал тупо
Комод, «Остров мертвых»³², кровать.
Это было и скучно и глупо —
И опять начинал я шагать.

Взял Маркса. Поставил на полку.
Взял Гёте – и тоже назад.
Зевая, подглядывал в щелку,
Как соседка пила шоколад.

Напялил пиджак и пальтишко
И вышел. Думал, курил...
При мне какой-то мальчишка
На мосту под трамвай угодил.

Сбежались. Я тоже сбежался.
Кричали. Я тоже кричал,
Махал рукой, возмущался
И карточку приставу дал.

Пошел на выставку. Злился.
Ругал бездарность и ложь.
Обедал. Со скуки напился
И качался, как спелая рожь.

Поплелся к приятелю в гости,
Говорил о холере, добре,
Гучкове³³, Урьеле д'Акосте³⁴ —

³¹ Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император.

³² «Остров мертвых» – картина швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина (1827–1901). Картина была необыкновенно популярна в России начала XX в. Бесчисленные ее репродукции украшали стены каждого «приличного дома». Упоминается в ностальгическом стихотворении Арсения Тарковского «Вещи»: «Где «Остров мертвых» в декадентской раме?». Арсений Тарковский, Собр. сочинений в 3-х томах; т. 1, стр. 165.

³³ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – лидер партии октябристов, депутат, в 1910–1911 гг. председатель III Думы, получившей название «Гучковской».

И домой пришел на заре.

Утро... Мутные стекла как бельма.
Кипит самовар. Рядом «Русь»³⁵
С речами того же Вильгельма.
Встаю – и снова тружусь.

<1908>

³⁴ Урьель д'Акоста. Уриэль Акоста (1585–1640) – голландский еврейский философ, утверждал, что доктрина о бессмертии и загробной жизни не вытекает из Библии, подвергал критике различные религиозные догмы.

³⁵ «Русь» – петербургская либерально-буржуазная газета, редактор-издатель А. А. Суворин.

Желтый дом

Семья – ералаш, а знакомые – нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмешь ли книжку – муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников – морошка,
Холод, слизь, дожди и тьма – так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, Боже мой?!

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,³⁶
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска – я знаю – есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счесть.

Где наше – близкое, милое, кровное?
Где наше – свое, бесконечно любовное?
Гучковы³⁷, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

<1908>

³⁶ Есть парламент, нет? Бог весть. В этих строках слышны отзвуки тогдашних политических споров о государственных структурах.

³⁷ Гучков Александр Иванович (1862–1936) – лидер партии октябристов, депутат, в 1910–1911 гг. председатель III Думы, получившей название «Гучковской».

Зеркало

Кто в трамвае, как акула,
Отвратительно зевает?
То зевает друг-читатель
Над скучнейшей газетой.

Он жуёт её в трамвае,
Дома, в бане и на службе,
В ресторанах, и в экспрессе,
И в отдельном кабинете.

Каждый день с утра он знает,
С кем обедал Франц-Иосиф³⁸
И какую глупость в Думе
Толстый Бобринский³⁹ сморозил...

Каждый день, впиваясь в строчки,
Он глупеет и умнеет:
Если автор глуп – глупеет,
Если умница – умнеет.

Но порою друг-читатель
Головой мотает злобно
И ругает, как извозчик,
Современные газеты.

«К черту! То ли дело Запад
И испанские газеты...»
(Кстати – он силен в испанском,
Как испанская корова.)

Друг-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь – в нем зловеще меркнет
Кто-то хмурый и безликий?

Кто-то хмурый и безликий,
Не испанец, о, нисколько,
Но скорее бык испанский,
Обреченный на закланье.

Прочитай: в глазах-гляделках

³⁸ Франц-Иосиф I (1830–1916) – австрийский император.

³⁹ *Бобринский* Владимир Алексеевич (1868 – после 1919) – депутат II и III Дум, лидер монархистов, придерживался националистических взглядов.

Много ль мыслей, смеха, сердца?
Не брани же, друг-читатель.
Современные газеты...

<1908>

Споры

Каждый прав и каждый виноват.
Все полны обидным снисхождением
И, мешая истину с глумленьем,
До конца обидеться спешат.

Эти споры – споры без исхода,
С правдой, с тьмой, с людьми, с самим собой,
Изнуряют тщетною борьбой
И пугают нищенством прихода.

По домам бессильно разбираясь,
Мы нашли ли собственный ответ?
Что ж слепые наши «да» и «нет»
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши – жернова?
Или спор – особое искусство,
Чтоб, калеча мысль и теща чувство,
Без конца низать случайные слова?

Если б были мы немного проще,
Если б мы учились понимать,
Мы могли бы в жизни не блуждать,
Словно дети в незнакомой роще.

Вновь забытый образ вырастает:
Притаилась Истина в углу,
И с тоской глядит в пустую мглу,
И лицо руками закрывает...

<1908>

Интеллигент

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодием интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей⁴⁰ куски.

За окном непогода лютеет и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды.
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты⁴¹,
Я больной, утомленный урод».

Смолк. А буря всё громче стучалась в окошко.
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

⁴⁰ Скрижали (*библ.*) – две каменные плиты, с выбитым на них текстом десяти заповедей. Скрижали эти были дарованы Богом Моисею. Разбитые скрижали – символ погранных и преданных прежних идеалов.

⁴¹ Я жених непришедшей прекрасной невесты – невеста в данном контексте так и не обретенная свобода, изображавшаяся в образе прекрасной крылатой девушки.

1909

Родился карлик Новый Год,
Горбатый, сморщенный урод,
Тоскливый шут и скептик,
Мудрец и эпилептик.

«Так вот он – милый Божий свет?
А где же солнце? Солнца нет!
А впрочем, я не первый,
Не стоит портить нервы».

И люди людям в этот час
Бросали: «С Новым Годом вас!»
Кто честно заикаясь,
Кто кисло ухмыляясь...

Ну как же тут не поздравлять?
Двенадцать месяцев опять
Мы будем спать и хныкать
И пальцем в небо тыкать.

От мудрых, средних и ослов
Родятся реки старых слов,
Но кто еще, как прежде,
Пойдет кутить к надежде?

Ах, милый, хилый Новый Год,
Горбатый, сморщенный урод!
Зажги среди тумана
Цветной фонарь обмана.

Зажги! Мы ждали много лет —
Быть может, солнца вовсе нет?
Дай чуда! Ведь бывало
Чудес в веках немало...

Какой ты старый, Новый Год!
Ведь мы равно наоборот
Считать могли бы годы,
Не исказив природы.

Да... Много мудрого у нас...
А впрочем, с Новым Годом вас!
Давайте спать и хныкать
И пальцем в небо тыкать.

1908

Два желания⁴²

1

Жить на вершине голой,
Писать простые сонеты...
И брать от людей из дола
Хлеб, вино и котлеты.

2

Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет через сто.

<1909>

⁴² В стихах кроме насмешки над псевдоромантическими устремлениями особо экзальтированных современников, сквозит иронический намек на главного героя романа Кнута Гамсуна «Пан» – лейтенанта Глана (см. комментарий к стихотворению «Все в штанах скрёбных одинаково...»).

Простые слова⁴³

В наши дни трехмесячных успехов
И развязных гениев пера
Ты один, тревожно-мудрый Чехов,
С каждым днем нам ближе, чем вчера...

Сам не веришь, но зовешь и будишь,
Разрываешь ямы до конца
И с беспомощной усмешкой тихо судишь
Оскорбивших землю и Отца.

Вот ты жил меж нами, нежный, ясный,
Бесконечно ясный и простой, —
Видел мир наш хмурый и несчастный,
Отравлялся нашей наготой.

И ушел! Но нам больней и хуже:
Много книг, о, слишком много книг!
С каждым днем проклятый круг всё уже
И не сбросить «чеховских» вериг...

Ты хоть мог, вскрывая торопливо
Гнойники, — смеяться, плакать, мстить, —
Но теперь всё вскрыто. Как тоскливо
Видеть, зная, не ждать и молча гнить!

<1910>

⁴³ Стихотворение написано к пятидесятилетнему юбилею А. П. Чехова (17 января 1860 г.).

Бессмертие

Бессмертье? Вам, двуногие кроты,
Не стоящие дня земного срока?
Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты
Того же захотят, обидевшись глубоко...

Мещане с крылышками! Пряники и рай!
Полвека жрали – и в награду вечность...
Торг не дурен. «Помилуй и подай!»
Подай рабам патент на бесконечность.

Тюремщики своей земной тюрьмы,
Грызущие друг друга в каждой щели,
Украли у пророков их псалмы,
Чтоб бормотать их в храмах раз в неделю...

Нам, зрячим, – бесконечная печаль,
А им, слепым, – бенгальские надежды,
Сусальная сияющая даль,
Гарантированные брачные одежды!..

Не кланчите! Господь и мудр, и строг, —
Земные дни бездарны и убоги,
Не пустит вас Господь и на порог,
Сгниете все, как падаль, у дороги.

<1922>

Утешение

Жизнь бесцветна? Надо, друг мой,
Быть упорным и искать:
Раза два в году ты можешь,
Как король, торжествовать...

Если где-нибудь случайно —
В маскараде иль в гостях,
На площадке ли вагона,
Иль на палубных досках —
Ты столкнешься с человеком
Благородным и простым,
До конца во всем свободным,
Сильным, умным и живым,
Накупи бенгальских спичек,
Закажи оркестру туш,
Маслом розовым намажься
И прими ликерный душ!

Десять дней ходи во фраке,
Нищим сто рублей раздай,
Смейся в горьком умиленье
И от радости рыдай...

Раза два в году – не шутка,
А при счастье – три и пять.
Надо только, друг мой бедный,
Быть упорным и искать.

<1922>

Диета

Каждый месяц к сроку надо
Подписаться на газеты.
В них подробные ответы
На любую немощь стада.

Боговздорец⁴⁴ иль политик,
Радикал иль черный рак⁴⁵,
Гениальный иль дурак,
Оптимист иль кислый нытик —
На газетной простыне
Все найдут свое вполне.

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Я с улыбкой благодатной,
Бандероли не вскрывая,
Аккуратно, не читая,
Их бросаю за буфет.

Целый месяц эту пробу
Я проделал. Оживаю!
Потерял слепую злобу,
Сам себя не истязая;
Появился аппетит,
Даже мысли появились...
Снова щеки округлились, —
И печенка не болит.

В безвозмездное владенье
Отдаю я средство это
Всем, кто чахнет без просвета
Над унылым отраженьем
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой...

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Бандероли не вскрывая,
Вы спокойно, не читая,
Их бросайте за буфет.

<1910>

⁴⁴ Боговздорец – суетные богоискатели и богостроители.

⁴⁵ Черный рак – черносотенец.

Быт

Мясо Шарж

Брандахлысты⁴⁶ в белых брючках
В лаун-теннисном азарте
Носят жирные зады.

Вкруг площадки, в модных штучках,
Крутобедрые Астарты⁴⁷,
Как в торговые ряды,

Зазывают кавалеров
И глазами, и боками,
Обещая *всё* для *всех*.

И гирлянды офицеров,
Томно дрыгая ногами,
«Сладкий празднуют успех».

В лакированных копытах
Ржут пажи⁴⁸ и роют гравий,
Изгибаясь, как лоза, —

На раскормленных досыта
Содержанок, в модной славе,
Щуря сальные глаза.

Щеки, шеи, подбородки,
Водопадом в бюст свергаясь,
Пропадают в животе,

Колыхаются, как лодки,
И, шелками выпираясь,
Вопиют о красоте.

Как ходячие шнель-клопсы⁴⁹,
На коротких, пухлых ножках
(Вот хозяек дубликат!)

⁴⁶ Брандахлысты (*разговорн.*) – праздные, пустые, фатоватые гуляки.

⁴⁷ Астарта (*Иштар*) – богиня плодородия, плотской любви в пантеоне древних финикийцев, считалась покровительницей проституток и гомосексуалистов, как и Ваал олицетворяла разврат.

⁴⁸ Ржут пажи – пажи – воспитанники привилегированного учебного заведения – Пажеского корпуса в Петербурге.

⁴⁹ Шнель-клопсы – мясные биточки.

Грандиознейшие мопсы
Отдыхают на дорожках
И с достоинством хрипят.

Шипр и пот, французский говор...
Старый хрен в английском платье
Гладит ляжку и мычит.

Дипломат, шпион иль повар?
Но без формы люди – братья, —
Кто их, к черту, различит?..

Как наполненные ведра,
Растопыренные бюсты
Проплывают без конца —

И опять зады и бедра...
Но над ними – будь им пусто! —
Ни единого лица!

Июль 1909
Гунгербург

Всероссийское горе

*Всем добрым знакомым с отчаянием
посвящаю*

Итак – начинается утро.
Чужой, как река Брахмапутра⁵⁰,
В двенадцать влетает знакомый.
«Вы дома?» К несчастью, я дома.
В кармане послал ему фигу,
Бросаю немецкую книгу
И слушаю, вял и суров,
Набор из ненужных мне слов.
Вчера он торчал на концерте —
Ему не терпелось до смерти
Обрушить на нервы мои
Дешевые чувства свои.

Обрушил! Ах, в два пополудни
Мозги мои были как студни...
Но, дверь запирая за ним
И жаждой работы томим,
Услышал я новый звонок:
Пришел первокурсник-щенок.
Несчастный влюбился в кого-то...
С багровым лицом идиота
Кричал он о «ней», о богине,
А я ее толстой гусыней
В душе называл беспощадно...
Не слушал! С улыбкою стадной
Кивал головою сердечно
И мямлил: «Конечно, конечно».

В четыре ушел он... В четыре!
Как тигр я шагал по квартире,
В пять ожил и, вытерев пот,
За прерванный сел перевод.
Звонок... С добродушием ведьмы
Встречаю поэта в передней.
Сегодня собрат именинник
И просит дать взаймы полтинник.
«С восторгом!» Но он... остается!
В столовую томно плетется,
Извлек из-за пазухи кипу
И с хрипом, и сипом, и скрипом

⁵⁰ Брахмапутра – река, протекающая в Китае и Индии.

Читает, читает, читает...
А бес меня в сердце толкает:
Ударь его лампою в ухо!
Всади кочергу ему в брюхо!

Квартира? Танцкласс ли? Харчевня?
Прилезла рябая девица:
Нечаянно «Месяц в деревне»⁵¹
Прочла и пришла «поделиться»...
Зачем она замуж не вышла?
Зачем (под лопатки ей дышло!),
Ко мне направляясь, сначала
Она под трамвай не попала?
Звонок... Шаромыжник⁵² бродячий,
Случайный знакомый по даче,
Разделся, подсел к фортепьяно
И лупит. Не правда ли, странно?
Какие-то люди звонили.
Какие-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бегал тихонько на кухню
И плакал за вьюшкой грязной
Над жизнью своей безобразной.

<1910>

⁵¹ «Месяц в деревне» – пьеса И. С. Тургенева.

⁵² Шаромыжник (фр. *cher ami*) – попрошайка, человек, живущий за чужой счет.

Обстановочка⁵³

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом.
Жена на локоны взяла последний рубль.
Супруг, убитый лавочкой и флюсом,
Подсчитывает месячную убыль.

Кряхтят на счетах жалкие копейки:
Покупка зонтика и дров пробила брешь,
А розовый капот из бумазейки
Бросает в пот склонившуюся плешь.

Над самой головой насвистывает чижик
(Хоть птичка Божия не кушала с утра).
На блюде киснет одинокий рыжик,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
В наплыве счастья полуоткрывши рот,
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичным голосом взволнованно орет.

Безбровая сестра в облезшей кацавейке
Насилует простуженный рояль,
А за стеной жиличка-белошвейка
Поет романс: «Пойми мою печаль!»

Как не понять?! В столовой тараканы,
Оставя черствый хлеб, задумались слегка,
В буфете дребезжат сочувственно стаканы,
И сырость капает слезами с потолка.

<1909>

⁵³ В «Сатириконе» было напечатано под названием «Быт» и с посвящением «К. И. Чуковскому».

Служба сборов

Начальник Акцептации⁵⁴ сердит:
Нашел просчет в копейку у Орлова.
Орлов уныло бровью шевелит
И про себя бранится: «Ишь, бандит!»
Но из себя не выпустит ни слова.

Вокруг сухой, костлявый, дробный треск —
Как пальцы мертвецов, бряцают счеты.
Начальнической плечи строгий блеск
С бычачьим лбом сливается в гротеск, —
Но у Орлова любоваться нет охоты.

Канторщик Кузькин бесконечно рад:
Орлов на лестнице сказал его невесте,
Что Кузькин как товарищ – хам и гад,
А как мужчина – жаба и кастрат...
Ах, может быть, Орлов лишится места!

В соседнем отделении содом:
Три таксировщика⁵⁵, увлекшись чехардою,
Бодают пол. Четвертый же, с трудом
Соблазн преодолев, с досадой и стыдом
Им укоризненно кивает бороною.

Но в коридоре тьма и тишина.
Под вешалкой таинственная пара —
Он руки растопырил, а *она*
Щемящим голосом взывает: «Я жена...
И муж не вынесет подобного удара!»

По лестницам красавицы снуют,
Пышнее и вульгарнее гортензий.
Их сослуживцы «фаворитками» зовут —
Они не трудятся, не сеют – только жнут.
Любимицы Начальника Претензий...

В буфете чавкают, жуют, сосут, мычат.
Берут пирожные в надежде на прибавку.
Капуста и табак смешались в едкий чад.
Канторщицы ругают шоколад
И бюст буфетчицы, дрожащий на прилавке...

⁵⁴ *Начальник Акцептации* – начальник отдела акцептаций, ведающий приемом векселей и счетов к платежу.

⁵⁵ Таксировщик – чиновник, определяющий размеры таксы.

Второй этаж. Дубовый кабинет.
Гигантский стол. Начальник Службы Сборов,
Поймав двух мух, покуда дела нет,
Пытается определить на свет,
Какого пола жертвы острых взоров.

Внизу в прихожей бывший гимназист
Стоит перед швейцаром без фуражки.
Швейцар откормлен, груб и неречист:
«Ведь грамотный, поди, не трубочист!
«Нет мест» – вон на стекле висит бумажка».

<1909>

Окраина Петербурга

Время года неизвестно.
Мгла клубится пеленой.
С неба падает отвесно
Мелкий бисер водяной.

Фонари горят как бельма,
Липкий смрад навис кругом,
За рубашку ветер-шельма
Лезет острым холодком.

Пьяный чуйка⁵⁶ обнял нежно
Мокрый столб – и голосит.
Бесконечно, безнадежно
Кислый дождик моросит...

Поливает стены, крыши,
Землю, дрожки, лошадей.
Из ночной пивной всё лише
Граммфон хрипит, злодей.

«Па-ца-луем дай забвень!»
Прямо за сердце берет.
На панели тоже пень:
Проститутку дворник бьет.

Брань и звуки заушений...
И на них из всех дверей
Побежали светотени
Жадных к зрелищу зверей.

Смех, советы, прибаутки,
Хлипкий плач, свистки и вой
Мчится к бедной проститутке
Постовой городской.

Увели... Темно и тихо.
Лишь в ночной пивной вдали
Граммфон выводит лихо:
«Муки сердца утоли!»

<1910>

⁵⁶ Чуйка – длиннополый кафтан; в данном случае – простолюдin в этой одежде.

На открытии выставки

Дамы в шляпках «кэк-уоках»⁵⁷.
Холодок публичных глаз,
Лица в складках и отеках,
Трены⁵⁸, перья, ленты, газ.
В незначительных намеках —
Штемпеля готовых фраз.

Кисло-сладкие мужчины,
Знаменитости без лиц,
Строят знающие мины,
С видом слушающих птиц
Шевелюры клонят ниц
И исследуют причины.

На стенах упорный труд —
Вдохновенье и бездарность...
Пусть же мудрый и верблюд
Совершают строгий суд:
Отрицанье, благодарность
Или звонкий словоблуд...

Умиравший больной.
Фиолетовые свиньи.
Стая галок над копной.
Блюдо раков. Пьяный Ной⁵⁹.
Бюст молочницы Аксины,
И кобыла под сосной.

Вдохновенное Nocturno⁶⁰,
Рядом рыжий пиджачок,
Растопыренный над урной...
Дама смотрит в кулачок
И рассеянным: «Недурно!» —
Налепляет ярлычок.

Да? Недурно? Что – Nocturno?
Иль яичница-пиджак?
Генерал вздыхает бурно
И уводит даму. Так...

⁵⁷ Кэк-уок – модный в начале XX века танец, в данном случае дамская шляпка в стиле этого танца.

⁵⁸ Трен – шлейф женского платья.

⁵⁹ *Пьяный Ной* – библейский персонаж, ведший праведную жизнь и во время великого потопа спасший в ковчеге свою семью и животных. Впоследствии Ной насадил виноградник, из собранного урожая он изготовил вино, от которого опьянел. (Бытие,9, 20–27).

⁶⁰ Nocturno – ночной, ночные сцены, ночное сумеречное настроение.

А сосед глядит в кулак
И ругается цензурно...

<1908>

Жизнь

У двух проституток сидят гимназисты:
Дудиленко, Барсов и Блок.
На Маше – персидская шаль и монисто,
На Даше – боа⁶¹ и платок.

Оплыли железнодорожные свечи.
Увлёкшись азартным банчком⁶²,
Склоненные головы, шеи и плечи
Следят за чужим пяточком.

Играют без шулерства. Хочется люто
Порой игроку сплутовать.
Да жутко! В миг с хохотом бедного плута
Засунут силком под кровать.

Лежи, как в берлоге, и с завистью острой
Следи за игрой и вздыхай, —
А там на заманчивой скатерти пестрой
Баранки, и карты, и чай...

Темнеют уютными складками платья.
Две девичьих русых косы.
Как будто без взрослых здесь сестры и братья
В тиши коротают часы.

Да только по стенкам висят офицеры...
Не много ли их для сестер?
На смятой подушке бутылка мадеры,
И страшно затоптан ковер.

Стук в двери. «Ну, други, простите, к нам гости!»
Дудиленко, Барсов и Блок
Встают, торопясь, и без желчи и злости
Уходят готовить урок.

<1910>

⁶¹ Боа – дамский шарф из меха или перьев.

⁶² Банчок; банк – азартная карточная игра преимущественно на деньги.

На вербе⁶³

Бородатые чуйки⁶⁴ с голодными глазами
Хрипло предлагают «животрепещущих докторов»⁶⁵,
Гимназисты поводят бумажными усами,
Горничные стреляют в суконных юнкеров.

Шаткие лари, сколоченные наскоро,
Холерного вида пряники и халва,
Грязь под ногами хлопает так ласково,
И на плечах болтается чужая голова.

Червонные рыбки из стеклянной обители
Грустно-испуганно смотрят на толпу.
«Вот замечательные американские жители»⁶⁶ —
Глотают камни и гвозди, как крупу!»

Писаря выражаются вдохновенно-изысканно,
Знакомятся с модистками и переходят на ты,
Сгущенный воздух переполнился писками,
Кричат бирюзовые бумажные цветы.

Деревья вздрагивают черными ветками,
Капли и бумажки падают в грязь.
Чужие люди толкуются между клетками
И месят ногами пеструю мазь.

<1909>

⁶³ Верба – в данном случае Вербное воскресенье – последний воскресный день Великого поста непосредственно перед Пасхой. В это воскресенье повсеместно устраивались ярмарки с разнообразными развлечениями, торговали ветками вербы.

⁶⁴ *Чуйка* – длиннополый кафтан; в данном случае – простолоудин в этой одежде.

⁶⁵ «Животрепещущие доктора» – пиявки.

⁶⁶ Американские жители – игрушка; стеклянный узкий стакан или пробирка, наполненная водой и сверху затянутая резинкой. В ней плавал стеклянный чертик, при нажатии на резинку опускавшийся и поднимающийся внутри пробирки.

Пасхальный перезвон

Пан-пьян! Красные яички.
Пьян-пан! Красные носы.
Били-бьют! Радостные личики.
Бьют-били! Груды колбасы.

Дал-дам! Праздничные взятки.
Дам-дал! И этим и тем.
Пили-ели! Визиты в перчатках.
Ели-пили! Водка и крем.

Пан-пьян! Наливки и студни.
Пьян-пан! Боль в животе.
Били-бьют! И снова будни.
Бьют-били! Конец мечте.

<1909>

Городская сказка

Профиль тоньше камеи,
Глаза как спелые сливы,
Шея белее лилеи
И стан как у леди Годивы⁶⁷.

Деву с душою бездонной,
Как первая скрипка оркестра,
Недаром прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришел к мадонне филолог,
Фаддей Симеонович Смяткин.
Рассказ мой будет недолог:
Филолог влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
В глаза ее, губы и уши,
Цедил за фразою фразу,
Томился, как рыба на суше.

Хотелось быть ее чашкой,
Братом ее или теткой,
Ее эмалевой пряжкой
И даже зубной ее щеткой!..

«Устали, Варвара Петровна?
О, как дрожат ваши ручки!» —
Шепнул филолог любовно,
А в сердце вонзились колючки.

«Устала. Вскрывала студента:
Труп был жирный и дряблый.
Холод... Сталь инструмента. —
Руки, конечно, иззябли.

Потом у Калинкина моста⁶⁸
Смотрела своих венеричек.
Устала: их было до ста.
Что с вами? Вы ищете спичек?

⁶⁷ *Леди Годива* – жена графа Леофрика, обложившего жителей города Ковентри непомерными налогами. На просьбы жены снизить налоговое бремя граф сказал, что сделает это при условии что леди Годива проедет на лошади по улицам города обнаженной. Леди Годива выполнила условие мужа. Легенда о леди Годиве послужила сюжетом многих художественных произведений – от живописи до поэзии и кинематографа.

⁶⁸ У Калинкиного моста – мост в устье реки Фонтанки в Петербурге, неподалеку от которого находилась больница для больных венерическими болезнями.

Спички лежат на окошке.
Ну, вот. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратно.

Затем мне с подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потом... был скучный анализ:
Выделение в моче мочевины...

Ах, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла, —
Коллега! Возьмите варенья —
Сама сегодня варила».

Фаддей Симеонович Смяткин
Сказал беззвучно: «Спасибо!»
А в горле ком кисло-сладкий
Бился, как в неводе рыба.

Не хотелось быть ее чашкой,
Ни братом ее и ни теткой,
Ни ее эмалевой пряжкой,
Ни зубной ее щеткой!

<1909>

В гостях (Петербург)

Холостой стаканчик чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стене босой Толстой⁶⁹.
Добросовестно скучаю
И зеленую тоску
Заедаю колбасой.

Адвокат ведет с коллегой
Специальный разговор.
Разорвись – а не поймешь!
А хозяйка с томной негой,
Устремив на лампу взор,
Поправляет бюст и брошь.

«Прочитали Метерлинка⁷⁰?»
– «Да. Спасибо, прочитал...»
– «О, какая красота!»
И хозяйкина ботинка
Взволновалась, словно в шквал.
Лжет ботинка, лгут уста...

У рояля дочь в реформе,
Взяв рассеянно аккорд,
Стилизованно молчит.
Старичок в военной форме
Прежде всех побил рекорд —
За экран залез и спит.

Толстый доктор по ошибке
Жмет мне ногу под столом.
Я страдаю и терплю.
Инженер зудит на скрипке.
Примирайсь и с этим злом,
Я и бодрствую, и сплю.

Что бы вслух сказать такое?
Ну-ка, опыт, выручай!
« Попрошу... еще стакан... »
Ем вчерашнее жаркое,

⁶⁹ На стене босой Толстой – речь идет о репродукции портрета Л. Н. Толстого на пашне, принадлежащего кисти И. Е. Репина (1901).

⁷⁰ Метерлинка – Морис Метерлинка (1862–1949) бельгийский поэт-символист и драматург, чья пьеса «Синяя птица», поставленная в МХТ, была очень популярна в России.

Кротко пью холодный чай
И молчу, как истукан.

<1908>

Европеец

В трамвае, набитом битком,
Средь двух гимназисток, бочком,
Сижу в настроенье прекрасном.

Панама сползает на лоб.
Я – адски пленительный сноб,
В накидке и в галстукe красном.

Пассаж⁷¹ не спеша осмотрев,
Вхожу к «Доминику»⁷², как лев,
Пью портер, малагу и виски.

По карте, с достоинством ем
Сосиски в томате и крем,
Пулярдку и снова сосиски.

Раздуло утробу копной...
Сановный швейцар предо мной
Толкает бесшумные двери.

Умаявшись, сыт и сонлив,
И руки в штаны заложив,
Сижу в Александровском сквере⁷³.

Где б вечер сегодня убить?
В «Аквариум»⁷⁴, что ли, сходить?
Иль, может быть, к Мери слетаю?

В раздумье на мамок смотрю,
Вздыхаю, зеваю, курю
И «Новое время»⁷⁵ читаю...

Шварц⁷⁶, Персия, Турция... Чушь!
Разносчик! Десяточек груш...
Какие прекрасные грушки!

А завтра в двенадцать часов

⁷¹ Пассаж – универсальный магазин на Невском проспекте.

⁷² «Доминик» – ресторан с кондитерской, названный по фамилии его владельца.

⁷³ Александровский сквер – расположен у здания Адмиралтейства в Петербурге.

⁷⁴ «Аквариум» – сад с летним театром на Каменноостровском проспекте в Петербурге.

⁷⁵ «Новое время» (1868–1917) – одна из влиятельнейших петербургских газет, выходявшая под редакцией А. С. Суворина; первоначальное либеральное направление газеты сменилось консервативным, а после событий 1905 г. черносотенным.

⁷⁶ Шварц А. Н. (1848–1915) – министр просвещения, осуществивший на этом посту ряд охранительных и реакционных мероприятий.

На службу явиться готов,
Чертить на листах завитушки.

Однако: без четверти шесть.
Пойду-ка к «Медведю»⁷⁷ поесть,
А после – за галстуком к Кнопу⁷⁸.

Ну как в Петербурге не жить?
Ну как Петербург не любить
Как русский намек на Европу?

<1910>

⁷⁷ «Медведь» – ресторан в Петербурге.

⁷⁸ Кноп – галантерейный магазин Ф. Кнопа на Невском проспекте.

Мухи

На дачной скрипучей веранде
Весь вечер царит оживленье.
К глазастой художнице Ванде
Случайно сползлись в воскресенье
Провизор, курсистка, певица,
Писатель, дантист и девица.

«Хотите вина иль печенья?» —
Спросила писателя Ванда,
Подумав в жестоком смущенье:
«Налезла огромная банда!
Пожалуй, на столько баранов
Не хватит ножей и стаканов».

Курсистка упорно жевала.
Косясь на остатки от торта,
Решила спокойно и вяло:
«Буржуйка последнего сорта».
Девица с азартом макаки
Смотрела писателю в баки.

Писатель, за дверью на полке
Не видя своих сочинений,
Подумал привычно и колко:
«Отсталость!» И стал в отдаленье,
Засунувши гордые руки
В триковые стильные брюки.

Провизор, влюбленный и потный,
Исследовал шею хозяйки,
Мечтая в истоме дремотной:
«Ей-богу, совсем как из лайки!..
О, если б немножко потрогать!»
И вилкою чистил свой ноготь.

Певица пускала рулады
Всё реже, и реже, и реже.
Потом, покраснев от досады,
Замолкла: «Не просят! Невежи...
Мещане без вкуса и чувства!
Для них ли святое искусство?»

Наелись. Спустились с веранды
К измученной пыльной сирени.
В глазах умирающей Ванды

Любезность, тоска и презренье:

«Свести их к пруду иль в беседку?
Спустить ли с веревки Валетку?»

Уселись под старой сосною.
Писатель сказал: «Как в романе...»
Девушка вильнула спиною,
Провизор порылся в кармане
И чиркнул над кислой певичкой
Бенгальскою красною спичкой.

<1910>

«Смех сквозь слезы»⁷⁹
(1809–1909)

Ах, милый Николай Васильич Гоголь!
Когда б сейчас из гроба встать ты мог,

⁷⁹ «Смех сквозь слезы» – цитата из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (гл. 7).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.